

**КРИТИКА ПОНЯТИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО МЕТОДА
ТОЛКОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ В DASEIN-АНАЛИЗЕ
МЕДАРДА БОССА**

Михаил Кричалло*

Abstract

This article exposes the critique of the notion «unconscious» and of the psychoanalytical method of the interpretation of dreams, relying on the views of the Swiss Dasein analyst Medard Boss. On basis of the main lines of M. Boss' critique, the article reveals the concept of the «unconscious» as methodologically indistinct, open to logical criticism and theoretically superfluous. The article characterizes the notion of the «unconcealed» that is introduced by M. Boss as the substitute for the «unconscious». The Dasein-analytical critique of the term «unconscious» is extended in the article to the critique of the psychoanalytical understanding of the dream and its interpretation that is exposed as irrelevant and practically unsafe. The article describes the hermeneutical-phenomenological method of the interpretation of dreams that is used by M. Boss as the substitute for the psychoanalytical one. Meanwhile, the weak points of M. Boss' critique and conception are discussed.

Keywords: psychoanalysis, Dasein-analysis, unconscious, unconcealed, hermeneutical-phenomenological method.

Несмотря на долгую и, бесспорно, продуктивную историю осмысления и использования понятия бессознательного, оно по-прежнему остаётся не до конца прояснённым, вызывая жаркие споры специалистов и спекуляции любителей. Современные психоаналитики дают самые разноречивые определения. Так, например, Ч. Райкрофт выделяет два значения «бессознательного»: «1) относящийся к психическим процессам, которые субъект не осознаёт; 2) та часть психики, в которой, в отличие от сознательных, психические процессы являются динамически бессознательными»¹. Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в *Словаре по психоанализу* приводят целых три значения данного термина: «1) совокупность содержаний, не присутствующих в актуальном поле сознания; 2) совокупность содержаний, не допущенных в систему “предсознание—сознание” в результате вытеснения» и 3) обозначение “Оно, а также отчасти Я и Сверх-Я”»². С. Пат-

---

* Михаил Кричалло – бакалавр психологии, студент 5 курса отделения психологии Белорусского государственного университета и 3 курса программы «Социальная и политическая философия» Европейского гуманитарного университета; mkritchallo@yandex.ru.

терсон и Э. Уоткинс в *Теориях психотерапии* пишут: «Бессознательное представляет собой фигуру речи и не может быть локализовано в какой-либо области тела»³. Видный психоаналитик П. Куттер в своей работе *Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов*⁴ вообще отказывается от чёткого и ясного определения этого понятия.

В результате складывается впечатление, что понятием бессознательного учёные-психоаналитики пытаются охватить то, что не поддаётся последовательно рациональному объяснению и научному эмпирическому «схватыванию». С одной стороны, это вполне объяснимо и в полной мере соответствует самоопределению психоанализа в пантеоне наук: психоанализ ставит перед собой задачу изучить как раз те феномены, которые «объективные» науки, стремящиеся к позитивистскому научному идеалу, пытаются исключить из своей теории как неверифицируемые и не выявляемые эмпирическим путём. В то же время настоящее положение дел трудно считать удовлетворительным, если учесть, что притязания психоанализа на строгий научный анализ остаются в силе. В данной работе осуществляется попытка прояснить спорные и противоречивые моменты в определении понятия бессознательного, а также исследовать его «этиологию», поскольку, на наш взгляд, импликация данного понятия в психологию на рубеже XIX–XX вв. далеко не случайна и полностью согласуется с царствовавшей в то время парадигмой научного знания.

В литературе по данной проблематике в качестве предшественников теории Зигмунда Фрейда как правило упоминаются мыслители конца XIX в., внёсшие свой вклад в разработку понятия бессознательного (среди них – Г. В. Лейбниц, И. Ф. Гербарт, А. Шопенгауэр, Э. фон Гартман, Ф. Ницше и др.⁵). Однако, на наш взгляд, поиск неких отдельных «вдохновителей» мысли родоначальника психоанализа выглядит неоправданным, поскольку сама теория З. Фрейда коренится преимущественно в общекультурном контексте того времени, являя собой результат эволюции *позитивистской парадигмы* в гуманитарном знании. Позитивизм в конце XIX – начале XX вв. являлся доминирующей научной установкой любого уважающего себя учёного. В общем и целом, он являлся направлением в методологии науки, полагавшим единственным источником истинного знания эмпирические исследования и отрицавшим познавательную ценность философского исследования.

З. Фрейд с самого начала был «учёным» в самом *«позитивистском»* смысле этого слова. Его теория возникла как завершающий «аккорд» этой научности, поскольку Фрейд покусился на «святая святых» – на тот фрагмент человеческой реальности, который не мог быть эмпирически познан и установлен, оставаясь всегда в некоем «чёрном ящике». Ведь теоретический анализ «психики» в её эмпирически регистрируемых проявлениях проводился первыми «научными» психологическими школами уже в конце XIX в. – например, первой психологической лабораторией В. Вундта. Фрейд же имел целью научное определение не «психики» в целом, но той её сокрытой области,

которая не могла быть выявлена и зарегистрирована эмпирически. В этом и состоит, на наш взгляд, окончательная претензия позитивистского знания на универсальность объяснения человека. В лице З. Фрейда позитивизм пытался эмпирически (то есть «научно») охватить *всего человека*. При этом необъяснимые феномены его поведения (и как следствие, «психики») не игнорировались и не редуцировались, как прежде. Этим феноменам в теории З. Фрейда находилось тщательно продуманное теоретическое объяснение.

Вместе с тем позитивистская наука всегда представляет собой следствие *метафизического способа мышления*. Психоанализ Фрейда – это прекрасный пример целостной, упорядоченной (пусть и с некоторыми логическими ошибками) метафизической теории. Она входит в так называемый корпус *метафизических психологических теорий* человека, или антропологий (наряду с бихевиоризмом, когнитивной психологией, психологией деятельности и др.). Все эти теории объединены выделением в человеке «психики» как некоего невещественного коррелята физической деятельности и поведения человека, который придаёт последнему причинно-целевую основу (за исключением бихевиоризма, игнорирующего любую «психическую» активность и сводящего поведение и жизнь человека к совокупности реакций на определённые стимулы). Разница между отдельными психологическими теориями данного «корпуса» состоит в том, что каждая по-своему понимает *психическую «структуру»*, определяющую поведение человека. К примеру, в когнитивной психологии – это мыслительные процессы, в психоанализе – инстинкты, драйвы, влечения и т. д. Таким образом, кроме традиционного метафизического разделения человека на *душу (psyche, «психика»)* и *тело*, также и сама душа, в полном соответствии с метафизическими принципами, начинает разделяться на отдельные «структуры», «качества», «свойства» и «процессы».

Именно метафизическое мышление приводит З. Фрейда к выделению в психике человека (которую он, к тому же, называет «*психическим аппаратом*») как отдельной «структуры», так и отдельного «свойства» – «*бессознательного*». Фрейд использует это понятие достаточно вольным образом, в значении как существительного, так и прилагательного. Эта терминологическая неточность является причиной путаницы, которая формирует образ психоанализа как сумбурной и хаотичной области *ненаучного* знания, чего З. Фрейд всячески пытался избегать. Попробуем более внимательно рассмотреть основные аспекты употребления данного понятия в психологии З. Фрейда.

Определённый беспорядок в понятие «бессознательный» («бессознательное») вносит использование его З. Фрейдом в двух разных смыслах: «описательном» и «топическом». Известный швейцарский психиатр М. Босс, на чью критику психоаналитического концепта бессознательного мы опираемся в нашей работе, указывает на *исторические* аспекты формирования этих смыслов. В ранних работах З. Фрейд использовал «описательное» значение слова, а позднее перешёл к употреблению «топического».⁶

Описательное (или, по М. Боссу, «дескриптивно-описательное») значение «бессознательного» используется для обозначения совокупности содержаний, не присутствующих в актуальном поле сознания. В этом значении оно употребляется Фрейдом в качестве прилагательного «*unbewusst*». Иными словами, прилагательным «бессознательное» Фрейд характеризовал определённые «психические», т. е. внутренние, непроявляющиеся вовне человека данности, которые недоступны сознанию.

Однако, как указывает М. Босс, само использование данного понятия по отношению к некоторым «внутренним» процессам и содержаниям вызывает сомнения. Главная причина этих сомнений состоит в том, что сами процессы и структуры, которые Фрейд называет бессознательными, не удостоверены как некая данность. «Нечто, чего вообще нет, не может быть ни сознательным, ни бессознательным».⁷ Точно так же, пишет М. Босс, «бессознательными» можно назвать и часы на стене позади наблюдателя, если они не присутствуют в поле его сознания в настоящий момент, и отношение к близкому другу, если наблюдатель не думает о нём в данный момент времени. Однако в обоих случаях не определённый «психический процесс внутри психики» является бессознательным, но вещь снаружи на стене и отношение к близкому другу «находятся в данный момент не в центре внимания» наблюдателя.⁸ М. Босс отмечает, что в двух приведённых примерах понятие «бессознательный» является некой данностью, которая присутствует «снаружи», во *внешнем* по отношению к наблюдателю мире, и не является для него тематически актуальной. Эта данность присутствует в модусе *нетематического, неактуально данного*. М. Босс заключает: только о таком присутствии во «внешнем мире» можно с определённой точностью сказать, что оно является «бессознательным», но никак не о предполагаемых интрапсихических структурах или процессах.

Итак, данный «описательный» конструкт отражает господствующую в научной методологии *рационалистическую, позитивистскую* позицию. Ведь «бессознательное» может возникнуть лишь там, где уже есть «*сознательное*», то есть там, где уже есть главенство сознания и *ratio*. Трудно не согласиться с М. Боссом в том, что «предположение о “бессознательном” не менее “законно”, чем предположение о сознании, равным образом присутствующим внутри психики»⁹. «Бессознательным» в таком случае является то, что оказывается вовне, за пределами сознания в данный момент времени.

Топическое значение «бессознательного» раскрывается в более поздних работах З. Фрейда, где он обозначает данным понятием не просто одно из основополагающих свойств психики, но целую *психическую «структуру»*, разделив психику на составляющие «части». Фрейд предлагает две топические модели. Первая предполагает разделение психики на *три* области: *сознание* (*Bewusstsein*), *предсознание* (*Unterbewusste*) и *бессознательное* (*Unbewusste*). Бессознательное в таком случае состоит из содержаний, не допущенных в систему «предсознание–сознание» в результате вытеснения.

Вторая топическая модель более известна. Психика, согласно ей, также разделена на *три* части, или «структуры»: *Ид* (*Оно*), *Эго* (*Я*) и *Супер-Эго* (*Сверх-Я*). В данном случае возникает ещё большая путаница, поскольку «бессознательное» выступает не только как существительное, отождествляясь с *Ид*, но и как прилагательное, относящееся и к *Эго*, и к *Супер-Эго*. Ввиду этого возникают сложности употребления самого понятия в применении к различным психическим структурам и психическим свойствам.

Бессознательное в топическом смысле — это, в общем и целом, особое «место» («топос»), «локализация» в психике; это особая система со своим собственным содержанием, механизмами и энергией. Фрейд назвал топически понятое бессознательное *динамическим*. Содержанием бессознательного являются «репрезентаторы влечений» — желания, фантазии и их воображаемые сценарии, — имеющие физиологическую суть и происхождение. Бессознательное, по Фрейду, — это всегда некий «резервуар» вытесненных сознанием влечений. Вместе с тем Фрейд признавал бессознательные содержания *врождёнными*, филогенетически присущими человеку.

Однако, в понимании Босса, в данном случае мы имеем дело с ещё более абстрактной гипотезой, нежели та, которую нам предлагала «описательная» модель «бессознательного». В данной модели нельзя обнаружить ни одной отличительной черты, которая каким-либо образом указывала бы на наличие «динамического бессознательного» внутри психики. Такой вердикт Босс устанавливает несмотря на то, что характеристика «динамического» бессознательного создаёт видимость точного определения наличествующего предмета.

Неизбежность гипотезы о топическом бессознательном Фрейд *логически* обосновывал тем, что «в ином случае именно данные сознания останутся весьма неполными»¹⁰. Однако, как справедливо отмечает Босс, обоснованная таким образом «неизбежность» вызывает ряд критических замечаний.

«Ряд различных актов сознания» только тому кажется неполным, кто уже с самого начала предполагает, что они обязательно должны быть сведены к какой-то глубокой психической причине по непрерывной причинно-следственной цепочке».¹¹

Без гипотезы о «бессознательном» не существовало бы возможности найти отсутствующие части психической причинно-следственной цепи. «В то же время, — продолжает Босс, — ни один феномен человеческого существования сам по себе не заявляет требования на своё каузально-генетическое происхождение», в то время как «природа этих явлений воспрещает такой образ действий».¹² По-видимому, причина устойчивой приверженности Фрейда гипотезе о бессознательном кроется в его безоговорочной вере «в догму естественнонаучного метода мышления» — именно она «разрешает быть действительным лишь тому, что включено в непрерывную, поддающуюся исчислению причинную связь»¹³.

Для более полного анализа понятия бессознательного мы предлагаем подробно остановиться на критике М. Босса основных доказательств З. Фрейда в пользу гипотезы о бессознательном.

Первое «доказательство», приводимое Фрейдом в пользу гипотезы о существовании *бессознательного*, опирается на тезис, согласно которому представление, присутствующее в сознании в данный момент времени, уже в следующий момент может его покинуть. Фрейд предполагает, что такое представление не могло просто так «исчезнуть» или «пропасть», ведь оно может появиться в сознании уже через мгновение. Отсюда вывод: такое представление в моменты непредставленности в сознании становится *бессознательным*, латентным.

Однако этот ход мысли, по мнению Босса, не выдерживает критики. Описываемое Фрейдом «повседневное» наблюдение «исчезновения» и «появления» в сознании определённого представления не является эмпирически установленным фактом, но изначально представляет собой особый вид интерпретации. Фрейд в данном случае истолковывает человеческое поведение сообразно своим теоретическим постулатам. Для подтверждения своей мысли М. Босс приводит пример: образ Фрайбургского собора, который представляет человек в данный момент, отнюдь не возникает «из психики», «из бессознательного» и вообще «изнутри». Скорее, пишет швейцарский *Dasein*-аналитик, он возникает в силу *открытости мира* (Weltoffenheit) существования самого человека. Он присутствует в *модусе тематического представления* в открытости вот-бытия (Dasein). Представление не образ, «всплывающий» из бессознательного, но сам собор, который находится во Фрайбурге и который был явлен открытости существования человека. Сама же эта открытость обусловлена определённым отношением человека к Фрайбургскому собору как таковому. Таким образом, вместо *бессознательного* Босс в данном случае говорит о ложно интерпретированном Фрейдом феномене мирооткрытого существования человека. Предположение о некоей «бессознательной психической системе», пишет М. Босс, оказывается здесь абсолютно излишним.

Второе доказательство Фрейда призвано придать ещё больше прочности первому и основано на понимании феномена постгипнотического внушения. В психоанализе гипноз представляет собой феномен *психики* человека, заключающийся в полном отделении сознания от бессознательного. При этом действия, внушённые человеку гипнотизёром и совершаемые им по окончании гипноза, должны свидетельствовать, по мнению Фрейда, о существовании *бессознательного* как автономной психической структуры, которая может воздействовать на поведение человека даже без опосредующего влияния сознания.

Состояние загипнотизированного Босс характеризует в *Dasein*-аналитических терминах как падшесть (Verfallensein) пациента. Человеческое со-бытие-друг-с-другом предоставляет человеку возможность осуществлять своё независимое бытие самостью (Selbst-sein) либо препоручать его «в руки» другому. В ходе гипноза возможность препоручения своего бытия другому достигает крайней степени: человек здесь существует только через гипнотизёра и неразрывно, «идентично», с

ним. Иными словами, он *существует в отношениях к данностям мира гипнотизёра*. Как следствие, такое положение гипнотизёра позволяет последнему *настроить* загипнотизированного на желаемое отношение к гипнотизёру и выполнение определённых действий, ожидаемых либо планируемых гипнотизёром. Гипнотизёр, в свою очередь, вполне может закрыть пациенту доступ к тематическому знанию о причине его постгипнотического отношения к определённым вещам или событиям его мира. Даже после внушения, пишет Босс, человек, подвергшийся гипнозу, ещё не может снова «собраться» в независимое бытие самостью и продолжает пребывать в состоянии падшести. Его вот-бытие по-прежнему не отделено от вот-бытия гипнотизёра. Босс приводит аналогию с падшестью современного человека в «некто» (*das Man*). Современный человек, абсолютно того не осознавая, реализует в своих мыслях и поступках не собственные экзистенциальные возможности, но волю своих родителей и предков или устоявшиеся в обществе точки зрения. На этом основании Босс приходит к выводу, что гипотеза Фрейда о *бессознательном* как о причине появления феномена постгипнотического внушения так же мало способствует верному пониманию сущности гипноза, как и пониманию прикованности к «некто» современного человека.

Третье доказательство существования бессознательного основано на феномене ошибочных действий в повседневности. Ошибочные действия (опiski, очитки, оговорки и т. д.) возникают у людей, по мысли Фрейда, в силу существования разнонаправленных намерений внутри *бессознательного*. Одно из таких намерений присутствует скрытым образом и вмешивается в осуществление другого, явного и сознательного. При этом «мешающее» намерение под воздействием цензуры сознания не осознаётся человеком. Показательным примером Фрейд считает слова председателя собрания, который, открывая собрание, сказал: «Я объявляю заседание закрытым». Явное намерение при этом – открыть собрание, скрытое – не начинать его либо же завершить как можно скорее. Именно скрытое намерение вмешивается в осуществление явного и создаёт феномен оговорки.

В понимании Босса для объяснения подобных действий достаточно представления о том, что любому человеку, в том числе и упомянутому председателю собрания, присущ горизонт *возможностей отношения к встречаемым в его мире людям и вещам*. Соответственно, причиной его оговорки является не конфликт неких противоречащих намерений, локализованных «внутри психики», а определённое *отношение* к его коллегам по собранию. Его негативное отношение к данному собранию могло быть как тематическим, так и нетематическим, однако оно не являлось «интрапсихически наличествующей вещью». Такое отношение, согласно Боссу, является *модусом исполнения* (*Vollzugsmodus*) человеческого бытия-в-мире, которое «всегда и с самого начала находится в *сфере открытости* общего для меня и других данного мира и находится внутри него»¹⁴.

Четвёртое доказательство Фрейда основано на понятии *сновидения*, которое будет проанализировано во второй части нашей статьи.

Однако уже на основании трёх доказательств Фрейда можно сделать некоторые предварительные выводы относительно адекватности понятия бессознательного применительно к тем феноменам, которые оно характеризует.

Прежде всего, необходимо отметить методологическую *расплывчатость и размытость* понятия «бессознательное» по причине не только смыслового разнообразия, но и нечёткости определения и обозначения тех структур, которые оно характеризует. Данная содержательная неточность создаёт широкие возможности для разнонаправленных толкований психоаналитиками одного и того же феномена при помощи конструкта «бессознательное». В этой связи М. Босс приводит пример: во время специального семинара, на котором различным психоаналитикам была предоставлена возможность толкования одного и того же сновидения, высказанные ими толкования различались, а сами психоаналитики не нашли согласия друг с другом.¹⁵

Кроме обозначенной методологической неясности и расплывчатости, основная слабость психоаналитического понятия «бессознательное» коренится также в самом понятии *психики* («психического аппарата») как некоего резервуара циркулирующей *энергии*. Вся «внутренняя» активность человека отождествляется лишь с особым видом физической (либидозной или сексуальной) энергии, которая подлежит *физическому* же исследованию. Энергия «вытесняется», «капсулируется», «катексирована», «сублимируется» и т. д. – вот основные понятия психоанализа, которые ярко выражают приложение физического понятия энергии к человеку. Человек, по Фрейду, – это особый живой энергетический «механизм», основная цель которого – получение наслаждения от разряжения накапливаемой энергии (энергии *влечения*). Такое *редуцированное понимание человека*, безусловно, оказалось несостоятельным в анализе сложных психических явлений, что и привело к размытию рамок понятия «бессознательное» и его противоречивому использованию при толковании сущности человека и его поведения.

Понятие «бессознательное» не только не раскрывает тайны психики человека, но даже скрывает действительные феномены существования человека: *открытость существования, падшесть, брошенность, исполнение существования* и др. А это означает, что «метапсихологическое понятие» бессознательного существенно затрудняет «надлежащее понимание человеческого бытия-в-мире»¹⁶. Прежде всего, «причинно-следственное» объяснение (и, соотв., выдвижение гипотезы о «первопричине» – бессознательном) препятствует адекватному и надлежащему пониманию феноменов человеческого существования.

«Причинная связь может показать правильность лишь чисто временной, но самой по себе бессмысленной последовательности возникновения определенных явлений».¹⁷

В самих же феноменах человеческого существования отсутствуют необходимость и какой бы то ни было мотив для конструкции причинно-следственных цепочек и поиска «первопричины».

В качестве конструктивной альтернативы понятию бессознательного Босс предлагает понятие *сокрытости* (*Verborgenheit*), которая снимает неоправданную метафизическую границу между человеком и миром, между феноменами мира и наблюдающим их человеком. «Сокрытое» связывает и объединяет в единую неразрывную целостность в своей «глубокой сфере» наблюдаемое (наблюдаемого) и наблюдателя. До-временная, до-пространственная, до-человеческая, до-языковая сокрытость является источником любого проявления, любого выведения-в-несокрытость, любого феномена. Однако «сокрытым» может стать лишь то, что уже всегда существует и присутствует в мире человека, но по каким-либо причинам временно *уклоняется* от его взгляда. «Уклоняется» таким же образом, как, к примеру, памятник, который пребывает в «сокрытии», прежде чем покрывающие его ткани будут сняты и он будет явлен. Человек, являясь *просветом бытия*, способен осветить и преобразовать в феномен то, что спрячано в сокрытости.

Толкование сновидений в психоанализе и *Dasein*-анализе

Все предложенные ранее аргументы в пользу понятия бессознательного – равно как и их опровержения, приведённые М. Боссом, – имели *теоретический* характер. Но, как известно, психоанализ З. Фрейда был востребован на практике и, несмотря на все теоретические неувязки, стал самым популярным и действенным методом в XX в. В этом смысле критика четвёртого аргумента З. Фрейда, касающегося толкования *сновидений*, имеет как раз таки практический характер и вполне отвечает требованию практической релевантности.

Сновидения, согласно Фрейду, представляют собой одно из главных доказательств существования «*бессознательного*». Являясь «царской дорогой в бессознательное», они отражают влечения и репрезентирующие их желания, содержащиеся в подсознании. Сновидения, в общем и целом, являют собой *попытку исполнения желаний*. В состоянии сна импульсы бессознательного находят себе более быструю и прямую дорогу в сознание человека (когда он видит *сон*), поскольку границы между сознанием и бессознательным не настолько сильны, как в бодрствовании. Желания, в бодрствующем состоянии обычно подавляемые и зачастую не доходящие до осознания, проявляются во сне человека в образе сновидений. Основная сущность таких сновидений, по Фрейду, – символическое («мнимое») исполнение желаний, не находящего осуществления в реальном мире в состоянии бодрствования.

Метод толкования сновидений в психоанализе основан «на психоаналитическом видении *бессознательной* деятельности человека»¹⁸. Следовательно, как сам метод, так и его результаты напрямую обусловлены *теоретическим пониманием* человека в психоанализе, а точнее, основаны на выделении сферы *бессознательного* и наделинии её ключевой ролью в жизни человека. Предполагается, что психоаналитический метод способен раскрыть сущность сновидения. При-

мечательно, что тот же самый метод применяется и *при выявлении невротических симптомов личности*.¹⁹ Психолог отождествляет сновидение с невротическим симптомом, то есть с *искажённой формой удовлетворения желания*. Помощь, которую в таком случае может оказать сновидение человеку, — это выявление данного симптома, его анализ и последующая терапия.

Не секрет, что психоаналитический метод истолкования сновидений подразумевает их *«переистолкование»* (Umdeutung). Содержание сновидения считается символическим языком бессознательного, который к тому же искажён и потому требует тщательного психоаналитического анализа и толкования. Этот метод напоминает своего рода *расшифровку*. Содержание сновидения в таком случае представляет собой некий зачастую абсурдный шифр, который психоаналитику необходимо превратить в разумную форму «говорящего» через него желания и того неудовлетворённого влечения, которое в нём выражается.

Здесь стоит отметить, что понятие «символа» и символической связи в психоанализе имеет весьма специфический смысл: как справедливо замечает Дж. Нидлман, эта связь, скорее, имеет характер *знака и аллегории*.²⁰ Структура *символа*, прежде всего, предполагает сущностную связь со структурой *символизируемого*, в то время как для психоаналитика важна логическая цепочка, выстраиваемая к замещаемому предмету по неким внешним сходствам. Именно поэтому для определения значения символа сновидения достаточно метода свободных ассоциаций и последующего согласования «невольного» пришедших в голову сновидца мыслей с содержанием сновидения. При этом содержание сновидения зависит от того, какая концепция сновидения имеется наготове у психоаналитика, а всякое несогласие сновидца с интерпретацией объясняется «сопротивлением», которое вызывает ещё более усиленные попытки психоаналитика «убедить» клиента в своей правоте, пока тот наконец не «сдастся». Мера сопротивления, оказываемого сновидцем, часто является самым неопровержимым свидетельством того, что истолкование на верном пути.

Психоаналитик разбирает сновидение на составляющие элементы и посредством метода ассоциаций и собственных догадок пытается расшифровать каждую отдельную часть как определённый символ или символическое действие. Как уже было сказано выше, бессознательное обладает *особой «символической»*, которая практически является исключительно сексуальной, либидозной. Символические предметы, появляющиеся во сне, в большинстве случаев символически сводятся к половым органам, а действия — к различным аспектам полового акта, сексуальных отношений с родными или возлюбленным. Часто события в сновидении интерпретируются психоаналитиком как отбражающие определённые моменты далёкого прошлого, опять же связанные с неудовлетворением определённых желаний и сексуальной сферой в общем.

В психоанализе сновидческая символика толкуется как «филогенетическое наследие человечества», иными словами, «архаический,

регрессивный путь выражения бессознательного».²¹ Во сне человек регрессирует до первобытной, или инфантильной, стадии своего развития, когда его желания удовлетворялись тотчас же и напрямую. Человек при этом возвращается на стадию, когда эгоистические и враждебные чувства не сдерживались сознанием и тотчас же находили выход для своей энергии.

Фрейдистским методом интерпретации сновидений используется и «идеографический» подход к символике, который постулирует, что у отдельного человека свои символы. Однако интерпретативная основа, на которую эти символы опираются, остаётся одной и той же — а именно либидозно-сексуальной.

В соответствии с «символично-шифровой» природой сновидения, психоанализ в своём содержании выделяет два «слоя»: манифестный (явный) и латентный (скрытый). То содержание сновидения, которое рассказывает сновидец, кажущееся на первый взгляд абсурдным, нелогичным, непонятым, — это *явное* содержание сновидения. То же содержание, которое необходимо выявить, «скрытое» за этим явным содержанием, и представляет собой завуалированное желание индивида, — это *скрытое* содержание. Психоанализ в толковании сновидений ориентирован на выявление скрытого содержания посредством анализа явного.

Явное содержание сновидения становится абсурдным и требующим перевода в скрытое, логичное ввиду так называемой *работы сновидения* — работы по искажению лежащего в центре желания. Происходит некий «самообман» человека, когда «бессознательное» обманывает сознание, переступая установленный рубеж цензуры и вводя в сознание свои содержания. Этот цензор как контролирующая инстанция установлен на границе сознания и призван не допускать в сознание определённые мысли и содержания. Дальнейшее «сопротивление» сновидца при анализе — это «объективация цензуры»²².

Итак, сновидение — таким, каким оно представляется сновидцу, — не имеет в психоанализе собственного содержания. В нём оно — лишь замещение, шифр, указание на некое скрытое, покоящееся за границами видимого в сновидении. Следовательно, сам смысл сновидения *создаётся* психоаналитиком в процессе беседы с клиентом.

Главная интенция критики М. Босса в адрес психоаналитической трактовки сновидения связана с констатацией того факта, что на основе сновидческого опыта человека лишь тогда можно вывести гипотезу о *бессознательном*, когда сам этот опыт не рассматривается как таковой, взятый сам по себе. Предположение о бессознательном действительно лишь тогда, когда с самого начала исследования пытаются свести само сновидение к определённой причине с исключительно гипотетическим характером. Феномен сновидения при этом не рассматривается в своей исходной данности, но сводится к гипотетическому, теоретическому конструкту, который призван его объяснить. Этот теоретический конструкт — психоаналитическое понятие о желании и его вытеснении. Ведь, по Фрейду, все сновидения являются символическим исполнением вытесненных желаний. Доказательством

такого предположения Фрейд считает детские сны удовлетворения желания в пище, которые случались тогда, когда ребёнок ложился спать голодным. Однако, отмечает Босс, такое объяснение подобно утверждению: «Поскольку имеются белые розы, то, в общем и целом, также и все розы другого цвета по своей внутренней сущности, пусть и неявно, должны быть белыми»²³.

Как известно, любая критика конструктивна лишь в том случае, если она предлагает некую альтернативу. Следовательно, рассмотрим способ, каким предлагает понимать и истолковывать сновидения М. Босс. Этот способ является одним из основных практических положений *Dasein*-анализа.

С одной стороны, в техническом и методическом плане *Dasein*-анализ продолжает аналитическую линию толкования сновидений, начатую психоаналитиками, и прежде всего З. Фрейдом и К.-Г. Юнгом. В то же время *Dasein*-анализ меняет подход к их интерпретации. На первый план выводится *сновидческое переживание* (*Traumerleben*)²⁴, которое считается таким же реальным и значимым способом существования человека, как и бодрствование, а не выступает, как в психоанализе, в подчинённой и вторично значимой по отношению к бодрствованию роли. По мнению *Dasein*-аналитиков, жизнь осуществляется как в бодрствовании, так и в сновидении в равной мере. Сон является одним из модусов бытия-в-мире человека²⁵, он не может преследовать определённого назначения по отношению к жизни в бодрствовании или быть «картинкой, изображающей бессознательное»²⁶. В понимании *Dasein*-аналитиков неверно также медицинское толкование сна.

Однако главным нововведением *Dasein*-анализа в области интерпретации сновидений является переход от *объяснения* (*Deutung, Erklärung*) к *истолкованию* (*Auslegung*). *Dasein*-аналитики считают различие между этими понятиями основополагающим для создания новой теории сновидения.

В этом смысле психоанализ, несмотря на введённый термин «толкование», придерживается *объяснительной модели*, если считать, что объяснением называется придание сновидениям такого смысла (*Sinngebung*), который в большинстве случаев не является открытым для переживающего сновидение. Этот смысл не находится «на поверхности», но остаётся завуалированным и должен быть «расшифрован как тайный шифр».²⁷

Dasein-анализ предлагает *истолковательную модель*, предполагающую понимание сновидения из его «собственной сущности», без предшествующей теоретической редукции и последующего конструирования. Он не ищет тот смысл сновидения, который якобы «скрыт» за явным содержанием сна, но спрашивает о тех целостных смыслах и значениях, которые свойственны бытию человека и которые сновидение позволяет открыть, узнать с новой, прежде неизвестной стороны. В сновидении человек держит свой мир *открытым*, и потому в сновидении наилучшим образом отображаются те проблемы, которые тревожат индивида. Таким образом, *Dasein*-анализ, в отличие от пси-

хоанализа, рассматривает реалии сновидений в их непосредственной данности, как «действительные, психические данности: вещь как действительная вещь, животное как действительное животное, человек как действительный человек...»²⁸. В своих снах, пишет М. Босс, мы предстаём в таком же подлинном, очевидном мире, как и в бодрствовании, и ведём себя в контексте тех же связей и отношений к вещам и близким нам людям. Составляющие сна следует принимать в их собственном смысле и содержании — так, как они чувствуются и переживаются сновидцем.²⁹

Более того, *Dasein*-анализ понимает сны как один из способов *открытости* (Offenständigkeit) существования. Этот модус существования отличается от бодрствования тем, что в нём сновидец открыт только тому, что в высшей степени соответствует его настроенной и переплетённой связями *расположенности* (Befindlichkeit)³⁰. Такая трактовка сновидения предполагает *феноменолого-герменевтический метод* толкования. Использование этого метода осуществляется во время психотерапевтической беседы. Сам метод не является строго регламентированным, однако существуют указания и советы по его использованию.

Прежде всего, поскольку мир индивида в сновидении становится открытым, следует обратить внимание на определённые области его мира. К ним относятся: *настроенность*, которая господствует в сновидении; *сущность* того, что в нём является; *способ*, которым оно является сновидцу; *способ*, каким сновидец *ведёт себя* по отношению к являющемуся.³¹ Психотерапевтическое применение интерпретации сновидений состоит в том, чтобы посредством майевтически построенной беседы с клиентом найти аналогии между содержанием сновидения и теми конфликтами, эмоциями и поведением, которые присущи сновидцу в бодрствующем состоянии. На основании того, что в сновидении проявляются те же темы, что и в бодрствовании, но другим способом, *Dasein*-аналитик использует технику *герменевтического круга*. В данной технике жизнь-в-бодрствовании и сновидение взаимно разъясняются, и с помощью этого взаимного проникновения представляется возможным углубленный взгляд на экзистенциальную ситуацию клиента.³²

Терапевт в этом процессе толкования не ставит задачу конфронтировать своего клиента с той интерпретацией, которую он придаёт его сновидению, как это свойственно психоанализу. Основная его цель — посредством нацеленных вопросов помочь клиенту *самому* найти смысл своего сновидения. Вопросы *Dasein*-аналитика подразделяются на две группы.³³

1. Какой данности открыто существование конкретного человека в его сновидческом состоянии? Как ведёт себя сновидец по отношению к тому, что в его сновидческой-открытости-миру «показывает себя»? Исходя из какой настроенности (Gestimmtheit) он ведёт себя именно таким образом, а не иначе?

2. К каким дополнительным и аналогичным состояниям сна целостным значениям пробудившийся в своём мире стал более чувствитель-

ным? Что именно изменилось в отношении клиента с миром после пробуждения?

Для более яркой иллюстрации различий в подходе к пониманию и интерпретации сновидений между обозначенными подходами приведём несколько примеров толкования одного и того же сна, осуществляемого психоаналитиком и *Dasein*-аналитиком.³⁴

Сновидение № 1

Данное сновидение рассказала одна из пациенток З. Фрейда, страдающая агорафобией. Сновидение в изложении З. Фрейда: «Мать сновидицы отсылает свою внучку, чтобы она (внучка) пошла одна. Потом она (сновидица) едет с матерью по железной дороге и видит, как её (сновидицы) дочка идёт прямо на рельсы под поезд. Она (сновидица) слышит хруст костей (при этом неприятное чувство, но не ужас). Она выглядывает из окна вагона, не видно ли позади частей (её дочери, попавшей под поезд), и упрекает мать, что та оставила малютку одну»³⁵.

Толкование психоаналитика (Зигмунд Фрейд)

З. Фрейд считает причиной этого сновидения инфантильное (вуйеристическое) желание. В анализе сновидения Фрейд пишет, что пациентка сама устанавливает соответствие поездки по железной дороге с возвращением из клиники, в руководителя которой она была влюблена. За ней туда приехала мать, а на вокзал приехал её врач, чтобы проводить, и привез ей букет цветов. Ей было «неприятно, что мать была свидетельницей этой любезности»³⁶. Таким образом, мать в данном случае разрушает её любовные стремления. Аналогичную роль она действительно играла, как указывает З. Фрейд, в молодости сновидицы. Благодаря методу свободных ассоциаций пациентка смогла вспомнить, как однажды видела сзади своего отца голым. При этом она смогла проассоциировать данный эпизод с оглядыванием назад во сне в поисках частей её дочери. В связи с этим она сама, как пишет З. Фрейд, истолковывает сновидение в том смысле, что маленькая девочка олицетворяет половые органы. Она упрекает мать в том, что та требует, чтобы она жила так, будто у неё вообще нет половых органов. Она находит соответствие этому упреку в первой части сновидения: мать отсылает её маленькую дочку, чтобы та пошла одна. «В её воображении идти одной по улице означает: не иметь мужчины, не иметь половых сношений (*coire* – идти вместе), а на это она не способна».³⁷ Согласно её рассказам, пишет З. Фрейд, она, будучи ребёнком, действительно страдала от ревности матери вследствие явного предпочтения, которое оказывал ей отец. В связи с другим сновидением этой же пациентки Фрейд отмечает, что отсылание девочки в первом сновидении также относится к угрозе кастрации. При этом З. Фрейд указывает на детскую сексуальную теорию, согласно которой девочки происходят от мальчиков путём их кастрации. Та-

ким образом, пациентка негодует на мать за то, что та не родила её мальчиком. То, что «раздавливание» символизирует половой акт, как пишет Фрейд, «не явствует из этого сновидения, но подтверждается рядом других источников»³⁸.

Толкование *Dasein*-аналитика (Медард Босс)

М. Босс не удовлетворён фрейдистским толкованием данного сновидения. Он отмечает, что в целях доказательства своей версии толкования З. Фрейд даже изменяет высказывание сновидицы: «Она выглядывает из окна вагона, не видно ли *позади* (hinten) частей», переписывая его как «...не видно ли *сзади* (von hinten) частей». Именно на основании такого изменения, указывает М. Босс, Фрейд может привести данное высказывание сновидицы во взаимосвязь с последующим её воспоминанием, в котором она также *сзади* видела половые органы своего отца в ванной комнате. З. Фрейд отходит в своём толковании от фактически имеющихся данных, обходя вниманием тот факт, что увидеть нечто позади не обязательно означает увидеть *заднюю* его сторону. Вполне возможно, повернувшись назад, увидеть нечто и с *передней* стороны. Таким образом, ничто в действительности не даёт основания для истолкования этого момента как «показания» о детском переживании «угрозы кастрации», как это делает З. Фрейд. Напротив, считает швейцарский *Dasein*-аналитик, в сфере открытости этой пациентки выявляются совсем другие обстоятельства. Прежде всего, сновидица находится в тесной пространственной близости со своей матерью. Сновидица так сильно привязана к ней, что её мать осуществляет над ней полное руководство и может приказывать ей отослать маленькую дочь, и сновидица повинуется ей, несмотря на то что подвергает своего ребёнка большой опасности. Только после того как её дочку раздавил поезд, она осмеливается упрекнуть мать.³⁹

М. Босс отмечает, что, вместо того чтобы заниматься свободными ассоциациями однажды увиденных сзади гениталий отца, лучше указать пациентке на невероятную власть и превосходство матери, которое она допускает во сне. Такое превосходство указывает на длительное *бессильное послушничество* сновидицы как дочери. В раздавливании её дочери поездом, в котором она сидит вместе со своей матерью, отображается сила её детской зависимости от матери. Эта зависимость настолько велика, что пресекает жизненную возможность сновидицы пройти собственный путь и стать самостоятельной, взрослой женщиной и матерью. Ибо там, где более нет ребёнка — а ребёнок, которого переехал поезд, был её единственным, — там прекращается и материнство.

Это *Dasein*-аналитическое толкование, отмечает М. Босс, могло бы быть рассказано сновидице, и в этом состоял бы первый терапевтический шаг. Второй шаг заключался бы в беседе с пациенткой о том, какие ситуации из жизни-в-бодрствовании приходят ей в голову, где проявлялись бы аналогичные несамостоятельная детскость и безвольное рабство под началом её матери. Если бы терапевт во-

время заметил возможность данного толкования, отмечает М. Босс, он также смог бы осознать возможные тенденции освобождения от материнского превосходства в бодрствовании, что оказало бы помощь в лечении пациентки от её болезни.

Сновидение № 2

Сон 24-летнего студента, приводимый одним из психоаналитиков: «Я стою с несколькими коллегами и узнаю при этом, что невеста моего друга, который начиная с помолвки отдалился от меня, недавно умерла от рака. Я тронут этим событием, как и все остальные присутствующие, и испытываю сердечное сострадание к моему другу. После похорон я оказываюсь с провожающими в какой-то столовой самообслуживания. Все выстроились в очередь перед буфетом, получают свою еду. Перед тем как подходит моя очередь, я выискиваю глазами десерт, но не вижу сладкого. Я проталкиваюсь среди людей вперёд, чтобы увидеть, есть ли какое-либо из десертных блюд впереди. Однако там тоже ничего нет. Я возвращаюсь на своё место, но всё ещё надеюсь найти где-нибудь сладкое. Однако я не нахожу ничего и остаюсь недовольным»⁴⁰.

Толкование психоаналитика

Согласно толкованию психоаналитика, которое приводит М. Босс, эмоциональное отдаление друга от сновидца, которое произошло после помолвки, вызывает в бессознательном сновидца ревность и мстительное чувство к невесте, «похитившей» у него друга. Эта досада увеличилась в бессознательном сновидца до неосознанного желания смерти невесте, которое в сновидении нашло своё осуществление и убило возлюбленную его друга. Также вторая часть сновидения, в которой идёт речь о поминках, объясняется как подтверждение регрессии либидо к оральной ступени.⁴¹

Толкование Dasein-аналитика (М. Босс)

М. Босс указывает, что феноменологический метод рассмотрения того же сновидения указывает на абсурдность существования некоего «бессознательного желания», поскольку желание всегда имеется в отношении *чего-то желаемого*. Нельзя одновременно знать и не знать о таковом желании – в случае если оно является бессознательным. Но больше всего М. Босс возражает против выдвижения идеи о ревности или желании смерти возлюбленной, поскольку для этого не имеется даже незначительных отправных точек. Скорее, речь здесь идёт о противоположном чувстве – о настоящем сочувствии другу в его беде – и о противоположном желании – чтобы возлюбленная его друга была жива. Помолвка его друга принесла сновидцу как в сновидческом, так и в бодрствующем состоянии возможность длительных любовных отношений между двумя взрослыми партнёрами. Если

сновидец не имел до того возможности испытать подобную любовную близость к женщине, его существование достаточно открыто для того, чтобы позволить себе такую поведенческую возможность по отношению к близкому другому. Такое состояние его способности к любовным отношениям косвенным образом проявляется в его сновидении. Так, посредством смерти возлюбленной его друга для него исчезает упомянутая возможность любовных отношений.

По поводу интерпретации второй части сновидения, которую психоаналитик объясняет регрессией либидо, М. Босс возражает, что никакое либидо как «психическая энергия» не в состоянии образовать из себя человеческий мир; ситуация его мира, в которой он находится в столовой самообслуживания без десерта, также не может быть построена исходя из «либидо». Для образования конкретной ситуации в мире человек всегда уже должен существовать как мировая открытость в восприятии содержаний того, что он встречает в мире. В данном примере сновидцу открывается богатство значений, которые составляют и столовую самообслуживания как таковую, и десерт как таковой, и отсутствие десерта как таковое. Никакая энергия не подходит для понимания всего человеческого существования в мире, состоящем из воспринимаемых связанных значений.

На самом же деле, пишет Босс, речь в сновидении идёт о том, что после короткой открытости существования для собственных любовных отношений вот-бытие сновидца закрывается в такой мере, что он способен только испытать чувственное наслаждение в отношении одинокой трапезы в столовой, когда человек обслуживает себя самостоятельно. Для телесного насыщения не хватает главного блюда, чья сладость обычно завершает наслаждение пищей. Эта сладость пищи, как и возможность любовных отношений сновидца, остаётся только желанием.

М. Босс отмечает, что терапевтический эффект от психоаналитического толкования данного сновидения равен нулю и даже более того: оно могло испугать сновидца, поскольку делает его потенциальным убийцей. Как следствие, такое толкование могло повергнуть сновидца в опасную для его жизни депрессию. То, что он обоснованно защищался бы от толкования, предложенного психоаналитиком, вменялось бы ему как «сопротивление» анализу. То, что в своём толковании аналитик и пациент не были едины, привело бы лечение к скорому концу: сновидец просто завершил бы его.

Однако *Dasein*-аналитическое толкование, изложенное выше и состоящее в указании на данности с принадлежащими им значимостями, по мнению Босса, было бы сновидцем понято и принято. Оно составило бы артикулированное свидетельство того смутного ощущения, которое сновидец испытал после пробуждения от своего сновидческого опыта. На основании этого он смог бы в бодрствующем состоянии обнаружить у себя задержку созревания собственной возможности любовных отношений. В сновидении ему были явлены возможности построения и невозможность противостояния супружеской совместной жизни двух отдельных существующих людей. В бодр-

ствующем состоянии он смог бы обнаружить, что он ещё не свободно распоряжается соответствующими возможностями привязанности и не ощущает их как те, которыми он обладает.

Итак, подведём итоги нашего исследования.

В ходе данной работы проведён критический анализ понятия *бессознательного*, которое на основе критики М. Босса и авторских рассуждений охарактеризовано как методологически неясное и запутанное, логически уязвимое и теоретически излишнее. Феномены, которые оно призвано объяснить, не нуждаются, согласно М. Боссу, в данном теоретическом конструкте, но наилучшим образом истолковываются посредством феноменологического рассмотрения, применяемого в *Dasein*-анализе. От понятия о *бессознательном* ведущий *Dasein*-аналитик М. Босс предлагает перейти к понятию *сокрытости*.

Критика понятия *бессознательного* распространяется и на психоаналитическое понимание сновидения, а также на методы его толкования. При этом особое внимание уделяется тому факту, что теоретические концепты З. Фрейда напрямую обуславливают ход психотерапии. На основе примеров, приведённых М. Боссом, можно сделать вывод, что корректное следование психоаналитической теоретической модели может привести к толкованиям, вредным для самого пациента. Особенной критике подвергается факт принуждения пациента к принятию выстроенного психоаналитиком понимания его сновидения. В связи с этим под сомнение ставятся и контраргументы психоаналитиков, согласно которым психоанализ, даже в случае признания его теоретической уязвимости, убедительно подтверждён на практике.

В то же время позиция М. Босса не лишена слабых сторон. Прежде всего, она может показаться излишне абстрактной и оторванной от практики и эмпирики. Большое количество новых, сложных понятий, не следующих из конкретных эмпирически регистрируемых явлений, могут снискать упрёк в метафизичности. Также проводимый Боссом феноменологический анализ можно рассматривать как субъективистский подход терапевта к толкованию проблем пациента, несмотря на противоположное мнение М. Босса. Однако, несмотря на слабые стороны, *Dasein*-аналитическая критика психоанализа может способствовать конструктивному переосмыслению понятия *бессознательного*. Благодаря преодолению исследовательской привязки к консервативным теоретическим конструктам З. Фрейда и формированию феноменологической установки, *бессознательное* может быть рассмотрено в своей исходной, «истинной» сущности. Для этого необходимо отойти от попыток его теоретического, концептуального «схватывания» и дать возможность «говорить» ему самому в тех феноменах, в которых *бессознательное* само себя проявляет.

Примечания

- ¹ Райкрофт Ч. *Критический словарь психоанализа*. СПб.: Восточно-Европейский Институт, 1995, с. 43.
- ² Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. *Словарь по психоанализу*. М.: Высшая школа, 1996, с. 20.
- ³ Паттерсон С., Уоткинс Э. *Теории психотерапии*. СПб.: Питер, 2004, с. 31.
- ⁴ Куттер П. *Современный психоанализ*. СПб., 1997.
- ⁵ Ждан А. *История психологии: Учебник*. М.: МГУ, 1990, с. 239.
- ⁶ Boss M. *Grundriss der Medizin und Psychologie*. Bern, Göttingen: Huber, 1999 (3 Aufl.). S. 339.
- ⁷ Ibid, S. 339.
- ⁸ Ibid, S. 339.
- ⁹ Ibid, S. 342.
- ¹⁰ Ibid, S. 342.
- ¹¹ Ibid, S. 342.
- ¹² Ibid, S. 343.
- ¹³ Ibid, S. 343.
- ¹⁴ Ibid, S. 343.
- ¹⁵ Boss M. *Es träumte mir vergangene Nacht...* Bern, Stuttgart: Huber, 1991 (2 Aufl.), S. 16.
- ¹⁶ Boss M. *Grundriss der Medizin und Psychologie*. Bern, Göttingen: Huber, 1999 (3 Aufl.), S. 341.
- ¹⁷ Ibid, S. 343.
- ¹⁸ Лейбин В. *Классический психоанализ: история, теория, практика*. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001, с. 353.
- ¹⁹ Там же, с. 353.
- ²⁰ Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире*. М: КСП+; СПб.: Ювента, 1999, с. 78.
- ²¹ Лейбин В. Указ. соч. С. 406.
- ²² Там же, с. 384.
- ²³ Boss M. *Grundriss der Medizin und Psychologie...* S. 349.
- ²⁴ Condrau G. *Einführung in die Psychotherapie*. Olten: Walter-Verlag, 1970, S. 232.
- ²⁵ Холл К., Линдсей Г. *Теории личности*. М.: КСП+, 1997, с. 336.
- ²⁶ Condrau G. *Einführung in die Psychotherapie...* S. 232
- ²⁷ Ibid, S. 233.
- ²⁸ Ibid, S. 233.
- ²⁹ Холл К., Линдсей Г. Указ. соч. С. 336.
- ³⁰ Wucherer-Huldenfeld A., Foerster H. *Daseinsanalyse. Einführung in Theorie und Praxis*. Wien: ÖDAI, 2001, S. 85.
- ³¹ Ibid, S. 85.
- ³² Ibid, S. 86.
- ³³ Ibid, S. 86.
- ³⁴ Boss M. *Es träumte mir vergangene Nacht...* S. 167–172.
- ³⁵ Фрейд З. *Толкование сновидений*. Мн.: Попурри, 2006, с. 290.
- ³⁶ Там же, с. 291.
- ³⁷ Там же, с. 291.
- ³⁸ Там же, с. 291.
- ³⁹ Boss M. *Es träumte mir vergangene Nacht...* S. 168.
- ⁴⁰ Ibid, S. 169.
- ⁴¹ Ibid, S. 170.